
Глава XIII

ВНЕШНИЙ МИР: 1917—1957

Еще до разгрома «антипартийной» группы Хрущев, среди прочего, взял в свои руки руководство советской внешней политикой. Сталин за тридцать лет своего правления был за рубежом всего дважды — во время войны, на Тегеранской и Потсдамской конференциях. Хрущев же к июню 1957-го уже несколько раз посетил Восточную Европу, в 1954-м возглавлял советскую партийно-правительственную делегацию в Китае, в июле 1955-го встречался с главами США, Великобритании и Франции на Женевской конференции, в том же году посетил Индию, Бирму и Афганистан, а в апреле 1956-го — Великобританию. Все эти поездки были призваны оживить советскую внешнюю политику, укрепив отношения как с союзниками, так и с противниками и нейтральными государствами. Во внешней политике Хрущев применял тот же стиль, что и во внутренних делах — брался за решение нескольких задач сразу, действовал энергично, старался ошеломить своих оппонентов и не боялся рисковать. Поначалу такая тактика, казалось, приносила успех. Однако к 1957 году обнаружились слабости нового подхода, связанные отчасти с сопротивлением внешнего мира, но отчасти и с теми личными и политическими качествами Хрущева, которые приводили к проблемам и у него на родине. В июне 1957 года в числе прочих сфер, где Хрущев проявил себя не лучшим образом, «антипартийная» группа упоминала и дипломатию.

Хрущев достиг высшей власти в Кремле, однако внешнеполитическая арена оставалась для него местом борьбы. Внешний мир представлял собой и смертельную угрозу, и неодолимый соблазн мирового господства. Хрущев был не первым политиком, использовавшим внешнеполитические

вопросы как способ отвлечь народ от внутренних проблем — и не первым, чьи претензии противоречили национальным интересам других стран. Однако у внешней политики СССР были свои особенности. Марксистско-ленинская идеология требовала от Москвы активной роли в мировой политике: у первого в мире социалистического государства просто не могло не быть преданных союзников и яростных врагов. Масштабы и очевидная сила СССР, позволяющая третировать и запугивать соперников, также вызывали раздражение и вражду. Хрущев и его коллеги, привыкшие к беспрекословному повиновению своих подчиненных и стран-сателлитов, порой не понимали, как вести себя с политиками, не готовыми подчиняться их воле. Этот же авторитаризм не позволял им проводить предварительное широкое обсуждение своих внешнеполитических решений — мера, которая иногда (хотя и далеко не всегда) спасает демократические государства от больших ошибок.

Поначалу Хрущев плохо представлял, какие силы ему угрожают. В первые пятьдесят лет жизни он мало что знал о внешнем мире и не имел доступа к большой политике. После смерти Сталина тоже поначалу держался в стороне; он был невежествен и плохо подготовлен и понимал это. Однако пришло время, когда Хрущев вкусил прежде запретный плод: теперь он представлял свою страну за границей, купался в лучах славы и на равных беседовал с мировыми лидерами — великими, не слишком великими, а порой и попросту раздутыми фигурами¹.

Двадцатые годы были в СССР временем расцвета интернационализма. Украинскую партийную организацию возглавлял сперва еврей Каганович, затем поляк Косиор. «Я убежден, большинство членов партии не знали, что Косиор — поляк, — рассказывал Хрущев. — Это я говорю к тому, что такого вопроса не стояло... Главным для нас было его социальное происхождение, а самое главное — его принадлежность к партии... Это определяло, кто он таков»².

В начале 30-х Хрущев встречался в Москве с иностранными коммунистами — например, в 1935-м, когда выступал в роли хозяина на приеме и торжественном обеде для делегатов VII съезда Коминтерна. Клемент Готвальд, ставший в 1946-м премьер-министром, а в 1948-м президентом Чехословакии, согласно рассказу Хрущева, «имел наклонность к вину». Жена Готвальда, «сама любившая выпить», являлась на приемы в золотых серьгах и с золотым кольцом на паль-

це — а Хрущев и его коллеги «тогда жили аскетически. Это выражалось и в одежде, и в манере держаться. А она пришла в дамских украшениях и, на наш взгляд, была подвержена мелкобуржуазному влиянию»³.

Ван Мина, китайского представителя в Коминтерне, Хрущев часто просил выступить перед рабочими московских заводов, и Ван Мин «никогда не отказывал». Заочно Хрущев знал и других китайских руководителей — Чжу Дэ и Лю Шаоци, но «о Мао Цзэдуне [на VII съезде избранном в исполком Коминтерна] я тогда ни разу не слыхал»⁴.

В первый раз Хрущев оказался за границей в 1939-м, когда Советская Армия вторглась в Польшу. После войны он несколько раз бывал в Польше и по одному разу — в Германии, Австрии и Чехословакии. Эту последнюю поездку можно назвать «политико-туристической». Инкогнито, под именем «генерала Петренко», Хрущев любовался Западным Берлином из окна советской военной машины. В Австрии ему повезло больше — он осматривал заводы, прачечные, дворец Шенбрунн (особенно привлек его дворцовый парк с фонтанами), Венский лес, американскую оккупационную зону, видел даже шотландских солдат в килтах⁵.

После войны Хрущев также встречался с несколькими иностранными руководителями, однако скорее на светских, чем на дипломатических мероприятиях. Как первый секретарь ЦК компартии Украины он участвовал в переговорах с Польшей. Поскольку новая прокоммунистическая армия Польши сражалась на территории Украины, Хрущев познакомился (и довольно близко) с ее командирами. Когда между поляками и украинцами возникло напряжение и поляки обратились с жалобой к Сталину, Хрущев участвовал в разрешении конфликта.

После того как в Люблине было сформировано коммунистическое правительство Польши, Хрущев то и дело ездил туда из Киева, чтобы помочь организовать его работу. Кроме того, «Сталин, не желая вступать в пререкания с польскими руководителями, подбрасывал мне все неприятные ответы на их претензии». Роль Хрущева на этих встречах — он должен был отвергать просьбы польской стороны, которые Сталин исполнять не желал, — давала Сталину повод для насмешек над неопытностью своего протеже в иностранных делах. «Сталин сейчас же отвечал им: “Это касается Украины, вот пусть Хрущев и решает. От него все зависит, с ним и договаривайтесь”». А сам смотрит на меня и ожидает (я по интонации чувствовал, чего он ожидает), чтобы я дал отказ»⁶.

В карательных операциях против польских антикоммунистов Хрущев напрямую не участвовал, однако считал их необходимыми. Ведь «рано или поздно Польша должна была стать социалистической страной и нашей союзницей. Многие из нас, и я в том числе, чувствовали, что рано или поздно Польша станет частью одной великой страны или социалистического содружества наций»⁷.

В 1945 году Хрущев контролировал восстановление электричества, водопровода и канализационной системы в Варшаве. В это же время он ездил на один день в Лодзь для встречи с генералом Михалом Роля-Жимерским, который «был очень весел и хорошо вел стол»⁸. Встречался он и с будущим польским лидером Владиславом Гомулкой (а во время войны — также с Тито и немецким коммунистом Вальтером Ульбрихтом). В 1948 году Сталин телефонировал ему из Ялты, где отдыхал вместе с Готвальдом: «Приезжайте, как только сумеете, здесь Готвальд, а он без вас никак жить не может и требует, чтобы вы обязательно приехали». Хрущев бросил все и полетел в Ялту, к бесконечным ужинам, застольям, взаимным восхвалениям — ради давления на Готвальда, которого Сталин призывал очистить чешскую компартию от затаившихся в ней врагов народа⁹. В том же году в Ялте Хрущев встречался с болгарскими лидерами, а в 1951-м, на даче у Сталина в Сочи, — с румынским руководителем Петру Грозой. Он принимал в Москве корейца Ким Ир Сена и Хо Ши Мина, который так (искренне или не очень) благоговел перед Сталиным, что выпросил у «великого вождя» автограф на номере советского журнала, который тот, впрочем, приказал у него забрать, ибо, как утверждает Хрущев, беспокоился о том, как Хо Ши Мин может его использовать¹⁰.

С некоммунистическим внешним миром Хрущев почти не сталкивался — однако о немногих встречах вспоминал с удовольствием и жаждал большего. В декабре 1945 года в Москве провел восемь дней Шарль де Голль: обсуждались вопросы признания прокоммунистического польского правительства и возобновления франко-советского договора, на которое Франция возлагала большие надежды. Согласно де Голлю, он получил то, что хотел (возобновление договора без признания так называемого «Люблинского комитета»), лишь покинув роскошный банкет и пригрозив уехать домой, если договор не будет подписан немедленно. Позднее он рассказывал, что во время подписания договора (в два часа ночи) Сталин высказал ему свое одобрение: «Отлично сыграно! Мне понравилось. Приятно иметь дело с человеком, который знает, чего хочет, — пусть он и не разделяет мои

взгляды»¹¹. Хрущев присутствовал только на официальных мероприятиях, однако волевой и несгибаемый иностранец произвел впечатление и на него: «Де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил, как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового»¹².

К лету 1944 года Сталин и Молотов уже несколько лет вели переговоры с Америкой. Хрущев встречал американских шахтеров в 1922-м в Юзовке и американских коммунистов — в Москве; первым из встреченных им американских политических деятелей стал генерал Эйзенхауэр, которого Сталин пригласил на торжественный парад на Красной площади в июне 1945 года. В тот раз Хрущев едва ли обменялся хотя бы несколькими словами с человеком, который десятилетие спустя стал сперва его партнером, а затем — злейшим противником.

По большей части Сталин занимался внешней политикой сам, при помощи Молотова (министра иностранных дел), Жданова (занимавшегося делами коммунистического блока), Вышинского (наследника Молотова) и Микояна, выполнявшего некоторые специальные поручения. «Мы, остальные, были просто мальчиками на побегушках, — вспоминал Хрущев, — и на любого, кто забывал о своем месте, Сталин рывкал так, что тот живо вспоминал, кто он такой»¹³. ЦК и Политбюро после войны собирались редко, а Совет министров «вообще был тогда только списочный», так что Хрущеву приходилось добывать информацию своими средствами¹⁴. Он не знал, в самом ли деле Сталин «намерен создавать в Восточной Германии социалистическое государство», должен был гадать о том, почему в 1948-м Москва блокировала Берлин, поскольку «Сталин такие вопросы ни с кем не обсуждал». Полная история разрыва СССР с Югославией также оставалась ему неизвестна: «Я в то время работал на Украине и иностранными делами не занимался, а документы по этим вопросам ко мне не поступали»¹⁵.

Когда в 1951-м был объявлен предателем руководитель чешской компартии Рудольф Сланский, Хрущев получил только «материалы» — то есть информацию с готовым решением, которую Сталин разослал всем членам Политбюро. Однако, по его собственным воспоминаниям, «никаких сомнений это у меня не вызвало. В то время у меня не было собственного мнения». О советско-китайских отношениях он знал «только то, что полагалось знать». Впрочем, и это было немало по сравнению с познаниями Хрущева о Западе. «В дипломатических связях с капиталистическими госу-

дарствами личного опыта мы не имели, кроме Молотова». Хрущев не осмеливался демонстрировать интерес к оборонной политике государства (не без оснований опасаясь, что Сталин заподозрит в нем «иностранный агента, завербованного империалистами»), а после признавался, что не видел ни одного документа, посвященного корейской войне, кроме сводок о боях, которые направлял Сталину Мао Цзэдун¹⁶.

Некоторые из этих заявлений Хрущева — в особенности те, что касаются чисток в Восточной Европе, — слишком напоминают его «незнание» об ужасах, творившихся дома. Возможно, он знал об иностранных делах больше, чем потом говорил. Однако факт остается фактом: после смерти Сталина он оказался неподготовлен к ведению самостоятельной внешней политики.

Во внешних, как и во внутренних делах Хрущев оставался прежде всего учеником Сталина: он никогда не сомневался в том, что дело СССР — справедливое дело. Он сознавал, например, что многие поляки настроены антисоветски и антирусски, особенно после пакта Молотова — Риббентропа. Знал и то, что выборы в Польше в 1945 году были фальсифицированы — но что с того? «Польский народ не оказал вновь избранным властям никакого сопротивления. Если они и голосовали за Станислава Миколайчика, то ничего не сделали, когда вместо него пришел Гомулка — что, по крайней мере на мой взгляд, означало, что им недостает глубоких, осознанных политических убеждений»¹⁷. На самом деле антикоммунистических выступлений в Польше было немало — однако все они легко подавлялись, а значит, по мнению Хрущева, о них и говорить не стоило.

Самой маленькой и слабой из компартий Восточной Европы была румынская: ее лидеры прибыли в послевоенный Бухарест по железной дороге в товарных вагонах вместе с советскими парторботниками, которые заставили короля Михая бежать из страны. По упрощенной версии Хрущева, «коммунистическая партия оказывала все большее влияние на народ», так что «король спокойно, хотя и без желания, уехал из Румынии с разрешения нового руководства. На этом королевская власть в Румынии кончилась. Затем Румыния объявила себя страной, которая будет строить социализм»¹⁸.

Хрущев надеялся, что социализм восторжествует и в Западной Европе. Он не сомневался, что после войны «в Германии возродится сильная коммунистическая партия, весь рабочий класс объединится вокруг нее, и она займет достой-

ное место при строительстве новой Германии». То же самое он думал о Франции и Италии. Разделял ли эти надежды сам Сталин — неясно, поскольку французская и итальянская компартии не столь поддавались контролю, как болгарская и румынская¹⁹.

Хрущев не сомневался, что СССР в опасности. Разве Запад не вторгся в Россию во время Гражданской войны? Разве США не ждали 16 лет, прежде чем признать Советский Союз? Разве англичане и американцы не «старались выкачать из нас всю кровь, чтобы явиться в последнем акте [войны] и решить судьбу мира»? А когда война окончилась, американцы «старались довести нас до банкротства». По счастью, Советскому Союзу удалось разорвать «кольцо врагов». Теперь в Европе и Азии появилось множество социалистических стран: они «консолидируются и вдохновляют всех коммунистов, которые с таким мужеством борются за социализм и справедливость»²⁰.

Согласно марксистско-ленинистским воззрениям, внешняя политика капиталистических стран определяется экономическими требованиями. Характерно, однако, что Хрущев обращал первостепенное внимание на личности западных политиков. Уинстон Черчилль был для него «грузным дряхлым стариком», «наиболее яростным противником нового социалистического строя». Гарри Трумэн «не обладал истинно государственным умом». Дин Ачесон отличался «политической тупостью». Однако умел Хрущев и отдавать должное тем, кто, по его мнению, этого заслуживал — или, точнее, тем, кого уважал Сталин²¹. Вслед за Сталиным он с уважением относился к Рузвельту (который «всегда относился к нам с пониманием»). «А Трумэна Сталин и не уважал, и не ценил», — добавляет он. Хрущев слышал, как Сталин говорил: «Если бы со стороны союзников был не Эйзенхауэр... то мы бы Берлин не взяли». Позднее, ведя с Эйзенхауэром переговоры, Хрущев «помнил слова, сказанные Сталиным, и верил им. Ведь Сталина заподозрить в симпатиях к кому-либо никак было нельзя. В классовых вопросах он был неподкупен и непримирим»²².

Как часто бывает с учениками, Хрущеву необходимо было верить, что он способен превзойти своего учителя — тем более что Сталин неоднократно высмеивал коллег, в особенности Хрущева, за дипломатическую некомпетентность. Время от времени Сталин предупреждал, что после его смерти империалисты передуют его наследников, «как котят» или «как цыплят». Не лучшего мнения о них был и

бывший комиссар иностранных дел Литвинов, которого в 1939 году сменил Молотов: «Тугодум Молотов, карьеристы Каганович, Микоян, Берия и еще Мехлис, недалекий Маленков, дурак Хрущев...»²³ Сам Сталин однажды спросил своих приспешников: «Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР?» — и не нашел ни единого достойного кандидата, кроме Булганина. Берия — грузин, Каганович — еврей, Молотов слишком стар, Маленков и Ворошилов слишком слабы. А Хрущев? «Нет, — ответил Сталин, — он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее»²⁴.

В отличие от Сталина, уверял Хрущев, он принимал американскую помощь во время войны искренне и без задних мыслей. В 1948 году, блокировав Берлин, Сталин «сделал это без учета наших реальных возможностей. Плохо продумал проблему»²⁵. Корейскую войну Хрущев поддерживал: «Никакой коммунист не стал бы удерживать Ким Ир Сена... Это противоречило бы коммунистическому мировоззрению». Когда северные корейцы «освободили» Сеул, «все радовались и желали Ким Ир Сenu дальнейших достижений». Хрущев сожалел лишь о том, что Сталин не оказывал Ким Ир Сenu достаточной поддержки, а когда в войну вступили американцы, и вовсе решил его бросить. Однако в этом, как оказалось позднее, прав был Сталин, готовый признавать и исправлять свои ошибки, а не Хрущев²⁶. Этот эпизод повторяет еще один, относящийся к июню 1945-го, когда СССР готовился вступить в войну с Японией. Следовало ли Советской Армии вторгнуться на Хоккайдо — на что, по утверждению Жукова, потребовалось бы четыре армии? Молотов предупреждал, что западные союзники Москвы расценят это как грубое нарушение ялтинских соглашений. Жуков назвал это авантюрой. Единственным сторонником этой идеи в Политбюро остался Хрущев. Но Сталин ему не внял²⁷.

Хрущев больше всех беспокоился об опасности войны. Американцы превосходили СССР в военно-воздушных силах и ядерном вооружении. «Америка обложила нас авиационными базами. Они располагались в Турции, я уж не говорю о Франции, Германии, Испании, Италии и Северной Африке... От Норвегии до Турции нашу страну окружали военные базы». Он приветствовал усилия Сталина по развитию ядерного оружия, однако позднее заверял, что «Сталин дрожал, был напуган» при мысли о нападении США, «до трусости боялся войны с Америкой». Добившись власти, Хрущев твердо решил не только не показывать собственного страха, но и нагнать страху на своих западных противников. В результате мир едва не погрузился в пропасть ядерной войны²⁸.

Берия и Маленков первыми постарались загладить просчеты Сталина во внешней политике: Берия попытался уладить дело с Восточной Германией, Маленков принял в отношениях с Западом более мягкий тон²⁹. Даже Молотов, который, по словам его бывшего помощника, «отвечал, как заведенный граммофон, *буквальным повторением* одной и той же изначально произнесенной им формулы»³⁰, по словам американского посла Чарльза Болен, «немного смягчился». Болен и его босс Джон Фостер Даллес уважали дипломатический талант Молотова. Британский посол сэра Уильям Хейтер находил его «немного смешным — с его заиканием и пенсне», однако «производящим впечатление»; когда в 1956 году он был снят с поста министра иностранных дел, «большинство послов в Москве жалели о его отставке; с ним мы чувствовали, что имеем дело с реальной силой». В отношениях с Западом Молотов следовал правилу: «Ни столкновений, ни серьезных уступок» и по большей части не проявлял никакой инициативы³¹.

После ухода Берии и оттеснения Маленкова внешней политикой СССР руководил Молотов. Типичным для него было поведение на конференции министров иностранных дел четырех держав в январе-феврале 1954 года в Берлине. Обсуждались все важные проблемы, однако ни одна сторона не сдвинулась ни на дюйм. Согласно американскому делегату С. Д. Джексону, Молотов заметно «выделялся» среди других, его чувство юмора «развлекало нас даже в переводе» — в то время как его помощник Андрей Громыко производил впечатление слабого человека, выглядел как доходяга³². Серьезных сдвигов конференция не принесла. Даллес с каменным лицом заверил Молотова, что объединенная прозападная Германия не будет угрожать безопасности СССР. Молотов в ответ предложил Западу отказаться от создания организации по безопасности в Европе и НАТО.

Отличительные черты всех троих соперников сочетались в Хрущеве с недостатками, присущими только ему самому. Он был смел, как Берия, однако в идеологических границах, которым Берия не подчинялся; боялся войны, как Маленков, но, в отличие от Маленкова, был склонен блефовать и пускать пыль в глаза; как Молотов, он искренне верил в социалистические догматы, однако, в отличие от флегматичного и дисциплинированного Молотова, не умел сдерживать свои порывы³³. В 1953-м Хрущев мало интересовался внешней политикой: все его внимание было сосредоточено на внутренних делах и проблемах соцлагеря. По рассказу Георгия Корниенко, работавшего в бюро информации Минис-

терства иностранных дел и составлявшего для руководства страны отчеты о разведдонесениях, члены Президиума возвращали его отчеты с пометками на полях. «Легко было понять, кто читал внимательно, а кто нет, — рассказывает Корниенко. — Экземпляры Хрущева возвращались без всяких пометок, как будто он их и не открывал. Внешней политикой он начал заниматься только в 1954-м. Помню, весной 1954 года, когда мы собирались на конференцию по вопросам Кореи и Индокитая, Хрущев несколько раз говорил о том, чего мы там хотим добиться»³⁴.

В это время Хрущев начал активно встречаться с западными дипломатами — и на большинство из них особого впечатления не производил. Маршалл Мак-Даффи, впервые встречавшийся с ним после войны, в октябре 1953-го нашел, что внешне Хрущев не изменился — «та же плотная фигура, оживленное круглое лицо, неизменная улыбка» — однако начал лучше одеваться: теперь на нем был синий саржевый костюм, белоснежная рубашка и запонки с красными камнями. О влиятельности Хрущева свидетельствовал и большой кремлевский кабинет с дубовыми панелями, двумя картами и портретом молодого Сталина. Он вел себя «спокойно и вполне разумно», однако во время переговоров «нервно вертел в руках карандаш, словно неловко себя чувствовал на этом мероприятии», а также «проявил удивительно догматический взгляд на страны Запада — создалось впечатление, что он охотно поглощает пропаганду, в создании которой сам же участвует»³⁵.

Британцы, общавшиеся с Хрущевым в 1954-м, отзывались о нем еще менее лестно — возможно, потому, что ему явно недоставало столь ценимых в Англии аристократических манер. В августе Москву по дороге в Китай посетила делегация от партии лейбористов во главе с Климентом Эттли и Анейрином Бивеном. Премьер Маленков пригласил их отужинать у себя на даче, а на следующий день состоялся ужин в английском посольстве, куда вместе с Маленковым, Молотовым, Микояном и другими явился и руководитель партии — Хрущев. Маленков «несомненно обладал самым острым умом во всей компании»: он говорил «не более, чем хотел сказать», за столом «был удивительно приятным соседом», почти не притрагивался к выпивке; говорил он «приятным музыкальным голосом на хорошем, литературном русском языке» и даже вполголоса порекомендовал переводчику из английского посольства Сесилу Пэрротту почитать Леонида Андреева, которого в то время клеймили как декадента. Хрущев, по контрасту с ним, поразил посла Хейтера:

«невоспитанный, нахальный, болтливый, несдержанный и, что хуже всего, совершенно невежественный в вопросах внешней политики». Говорил он «короткими фразами, на повышенных тонах и очень убежденно... Добродушно улыбаясь», часто «затруднялся в выборе слов» и «говорил не то, что хотел сказать» — переводчику Олегу Трояновскому приходилось исправлять его ошибки. Он «никак не мог понять мысль Бивена», и Маленкову пришлось объяснить ему, что хочет сказать англичанин, «односложными словами». Он постоянно «перебивал» остальных и не столько слушал, сколько говорил сам. «Энергичный и целеустремленный, но недалекого ума, — подытожил свои впечатления Хейтер, — словно молодой бычок: стоит указать ему направление — и он все снесет на своем пути». Британская делегация считала первым лицом в стране Маленкова и потому почти не обращала внимания на Хрущева.

В первых своих докладах в Лондон Хейтер сравнивает Хрущева с «типичным крестьянином, как он предстает в классических русских романах XIX века: хитрый, проницательный, подозрительный, осторожный и в душе глубоко презирающий “бар”». Кроме того, он сравнивал Хрущева с лидером британских профсоюзов Эрнестом Бивинем. У этих людей и вправду было много общего: оба из крестьянских семей, почти без образования, оба — «тяжелые сотрудники и хорошие начальники», однако с одной значительной разницей: Бивин — «великодушный, щедрый, уверенный в себе человек, а Хрущев, хотя и обладает сейчас огромной властью, явно не способен держаться на уровне своего положения...». Позднее Хейтер признал, что, «приложив к внешней политике свой мощный ум и энциклопедическую память, Хрущев вскоре освоил эту область в совершенстве»³⁶. Однако посол США Болен тогда разделял его первоначально негативное отношение к Хрущеву. Маленков, по его словам, «говорил лучше всех советских лидеров, которых я когда-либо слышал», его «речи были логичны и прекрасно построены», вообще он отличался «наиболее “западным” умом». А с Хрущевым и остальными «невозможно было найти смежных точек, общего языка». Да и вообще Хрущев казался Болену «не слишком умным человеком»³⁷.

На взгляд внешних наблюдателей, китайско-советские отношения в 1953 году были безоблачны. В Китае восторжествовал коммунизм, КПК во всем ориентировалась на Москву, китайская армия била американцев в Корее. Одна-

ко на самом деле отношения между Москвой и Пекином были далеко не идилличны. Во время долгого пути Мао к власти Сталин сомневался, что в Китае удастся установить коммунистический режим, и порой, кажется, готов был отказаться от этой цели — отчасти выполняя обязательства перед своим союзником в войне Чан Кайши, отчасти стремясь угодить США, а также, возможно, подозревая, что столь огромным и сильным «сателлитом» управлять будет нелегко. Даже после победы Мао Сталин относился к нему прохладно. Во время своей первой поездки в Москву в декабре 1949 года Мао два с половиной месяца добивался поддержки и сотрудничества и в конце концов получил гораздо меньше, чем надеялся³⁸. Отдельным источником напряжения стала корейская война — особенно после того, как Сталин отказался бросить Северную Корею и потребовал от китайцев спасти Ким Ир Сена от разгрома³⁹.

На праздновании семидесятилетия Сталина в декабре 1949 года Хрушев сидел возле Сталина и Мао, однако не принимал участия в их разговорах. Но он много слышал и о Мао, и об отношении к нему Сталина. «Мао опирается на крестьян, а не на рабочий класс, — не раз говорил Сталин во время ночных “посиделок”. — И это марксист?» Сталин насмешливо называл Мао «пещерным марксистом», а после его визита в Москву «никогда не отзывался о нем хорошо». Хрушев полагал, что Сталин совершает «ошибку», стремясь добиться от Мао односторонне выгодных соглашений, а когда Мао был в Москве, «я видел, что Сталин проявлял неискреннюю вежливость. Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао. Мао вовсе не глупый человек, сразу это понял, и это его раздражало, хотя сам Мао никакого недовольства внешне не проявлял...»⁴⁰.

Не проявлял недовольства и сам Хрушев. Однако после 1953 года он постарался наладить с Мао более теплые отношения. Сталин едва не погубил отношения с Китаем, и теперь у Хрущева появился шанс превзойти своего учителя. Сталин презирал Мао за «пещерность»; Хрушев готов был сыграть роль доброжелательного наставника. Каково же было потрясение Хрущева, когда вместо благодарности и уважения Мао ответил ему откровенным презрением!

Первое время, однако, дела шли недурно. В 1953—1956 годах русскими или с помощью русских было построено 205 заводов и фабрик общей стоимостью два миллиарда долларов, причем 727 миллионов долларов были предоставлены советской стороной — и это в то время, когда самим русским не хватало средств на подъем промышленности. В ок-

тябре 1954 года СССР согласился отправить в Китай корпус специалистов; в 1957-м уже не меньше двух с половиной тысяч русских обучали китайцев всему на свете, от строительства до ядерной физики. В апреле 1955-го СССР дал обещание помочь Пекину разработать в мирных целях ядерную технологию. В те же годы в Советском Союзе обучались около десяти тысяч китайских студентов, а еще семнадцать тысяч проходили обучение у советских преподавателей в самом Китае⁴¹.

Помимо экономической помощи, Москва предоставляла Китаю дипломатическую и военную поддержку. Наследники Сталина помогли завершить корейскую войну, спонсировали участие Пекина в Женевской конференции 1954 года, посвященной судьбе Индокитая и Кореи, и настаивали на его включении в переговоры по европейским делам. В конце 1954-го СССР помог Китаю вернуть себе прибрежные острова Цзиньмэнь и Мацзу. Китайские представители присутствовали на заключении Варшавского договора в 1955-м, предварительно получили информацию о примирении с Тито, а во время восточноевропейских волнений 1956 года Хрущев постоянно консультировался с Мао. Советские военные советники помогали китайцам овладевать советской военной техникой, а в 1957-м Москва даже предложила снабдить Пекин образцом ядерной бомбы⁴².

В общем, все это складывалось в картину того, что историк Уильям Кирби назвал «грандиознейшей передачей технологий в мировой истории». Согласно бывшему переводчику Мао Ян Минфу, Хрущев «в отношениях с Китаем продвинулся далеко вперед по сравнению со Сталиным», и Мао это «оценил»⁴³. Однако в эти «хорошие годы» уже были посеяны семена будущих разногласий. Воспоминания Хрущева о визите в Китай в 1954-м полны яда. Он благородно предложил вернуть Китаю Порт-Артур и Далянь. Но Мао, вместо того чтобы поблагодарить, возразил (указав на необходимость советской защиты от американцев), затем неохотно согласился, а под конец попросил Хрущева оставить в Порт-Артуре советскую тяжелую артиллерию. «Мы согласились оставить им вооружение, — вспоминал Хрущев, — но за плату. Чжоу же настаивал на том, что Китай хочет получить вооружение бесплатно». Кроме того, Хрущеву крайне не понравилась атмосфера при дворе Мао — «типично восточная. Все невероятно вежливы и любезны, но я видел, что это все притворство». В довершение ко всему, у Хрущева сложилось впечатление, что «Мао относится к другим нациям свысока... Мы-то искренне, по-братски относим-

лись к Китаю... После возвращения в СССР мы откровенно обменялись мнениями по этому вопросу в Президиуме ЦК КПСС... Докладывал я как глава делегации. Мое мнение сводилось к тому, что в наших отношениях с Китаем заложены опасные перспективы»⁴⁴.

Скорее всего, память на сей раз обманула Хрущева — воспоминания о первой поездке в Китай окрасились в тона позднейшего гнева и разочарования. Однако китайцы в самом деле вели с Москвой игру, стараясь получить как можно больше, а отдать взамен как можно меньше. Перед поездкой китайские дипломаты озвучили большой список требований, отказавшись подать его в письменной форме; а затем Чжоу Эньлай заставил Хрущева выполнять обязательства, которые Москва, в сущности, на себя не брала. Хрущев полагал, что визит в Пекин прошел успешно, однако дома его стратегия вызвала сомнения и критику.

За предварительные переговоры с китайцами отвечал Микоян: его главным помощником был К. И. Коваль, заместитель министра внешней торговли. По рассказу Ковалья, «Хрущев принял свое решение [дать китайцам все, что они просят] только исходя из внешнеполитических оснований, не думая ни о цене, ни о тех проблемах и трудностях, которые это решение повлечет за собой». Коваль утверждал, что советское тяжелое машиностроение не сможет обеспечить запросы китайцев — однако «каждый раз, когда я об этом заговаривал, Хрущев выходил из себя...». Первый секретарь «не умел выслушивать мнений, не совпадающих с его собственным, и терпеть не мог тех, кто с ним не соглашался». Хрущев «сверлил меня уничтожающим взглядом. Ясно было, что я попал в список его врагов». Микоян уговорил Хрущева отложить выполнение некоторых планов до 1960 года. Но даже урезанный список вызвал возражения Ворошилова. Хрущев пригрозил, что не поедет вовсе, если ему придется ехать «с пустыми руками». Бранью и угрозами он заставил Ворошилова отозвать свои возражения, а потом, когда коллеги разошлись, подозрительно поинтересовался у Ковалья, не он ли настроил Ворошилова против его решения⁴⁵. Вкладывая столько сил и средств в экономическое и политическое развитие Китая, Хрущев, несомненно, надеялся многое получить взамен. Тем сильнее было его разочарование, когда Мао ответил ему черной неблагодарностью.

Дело осложняли культурные различия между двумя странами, часто приводившие к взаимному непониманию. Китайцы превзошли самих себя в гостеприимстве, устроив со-

ветской делегации продолжительный тур по стране. В Кантоне им подали знаменитое местное блюдо «Бой дракона с тигром», где дракона и тигра символизируют змея и кот, — однако советская делегация, не исключая и Хрущева, даже в рот его не взяла, а обе дамы, Екатерина Фурцева и Ядгар Насриддинова, в слезах выбежали из-за стола. Даже чаепитие превращалось в мучение. «Пили вообще преимущественно чай, — вспоминал Хрушев. — Как только выпьешь чашку — приносят следующую. Если не успевал выпить, чай забирали и ставили новый. Спустя некоторое время — опять то же». В результате советская делегация ночью не могла уснуть, а советский врач рекомендовал сократить количество употребляемого кофеина. «Мы к такой церемонии не привыкли, — пишет Хрушев, — но пользовались ею ради уважения к хозяевам»⁴⁶.

1956—1957 годы казались лучшими в советско-китайских отношениях. «Отношения были самые близкие», — вспоминал сорок лет спустя Ян Минфу. «Это был пик дружбы», — вторит ему бывший чиновник советского ЦК Лев Делюсин. Однако уже появились первые трещины. Хрушев не консультировался с китайцами перед знаменитым секретным докладом на XX съезде и не пригласил китайскую делегацию его выслушать. У Мао были к Сталину свои претензии, однако он хорошо понимал, что отменять культ Сталина — значит подрывать свой собственный. Хрушев «устроил беспорядок», — говорил Мао своим коллегам 17 марта 1956 года. «Он направил на нас меч, выпустил из клеток тигров, готовых разорвать нас», — жаловался он своему личному врачу, доктору Ли Чжисюю. Его переводчик Ли Юэжэнь вспоминает слова Мао: «Сталина можно было критиковать — но не убивать». «Мао решил, что Хрушев недостаточно зрел для управления такой большой страной», — рассказывает Ян Минфу. «Мао так и не простил Хрущеву нападения на Сталина», — заключает доктор Ли⁴⁷.

В то время китайцы не только сами нуждались в советской помощи, но и были убеждены, что всему социалистическому лагерю без нее не обойтись. Вот почему Мао решил «поправить» Хрущева. Китайские издания настаивали на том, что, несмотря на «серьезные ошибки», Сталина следует рассматривать как «великого марксиста-ленинца». Пекин указывал китайским студентам в СССР, какую позицию им следует занимать в разговорах о XX съезде. Первого мая 1956 года на Красной площади изображений Сталина не было, а на площади Тяньаньмэнь демонстранты несли в этот день огромные портреты покойного вождя⁴⁸.

Польский и венгерский кризисы 1956 года подтвердили нелестное мнение Мао о Хрущеве. И той осенью, и впоследствии отношения СССР и Китая заметно изменились. Уже не Хрущев давал советы Мао, а Мао — Хрущеву (например, совет ввести войска в Венгрию): ясно было, что тщеславный и мнительный Хрущев не станет долго терпеть такую перемену ролей⁴⁹.

К концу 1956 года Мао окончательно утвердился в мысли, что Хрущев губит дело Сталина. Люди, подобные Хрущеву, «не преданы марксизму-ленинизму, — заявил он в речи той осенью, — у них нет аналитического подхода, им не хватает революционного духа». В январе 1957-го он заявил, что советские лидеры «ослеплены жадой наживы», так что «лучший способ с ними справиться — задать им порку»⁵⁰. В том же месяце китайский премьер Чжоу Энлай посетил СССР и Восточную Европу, стремясь сгладить напряжение в отношениях. На приеме в китайском посольстве Хрущев пошел на попятный, назвав Сталина «истинным марксистом-ленинцем». Лев Делюсин, составлявший репортаж о приеме для «Правды», находился рядом. По его воспоминаниям, Хрущев был сильно пьян и часто оговаривался, так что Делюсин был поражен, когда ему приказали подготовить речь советского лидера для печати⁵¹. По-видимому, заключил он, руководство решило использовать промах Хрущева для налаживания отношений с Китаем. На Чжоу выступление Хрущева также не произвело впечатления. Советские руководители, заявил он по приезду в Пекин, «зачастую неспособны преодолеть субъективизм, ограниченность мышления и эмоциональность». Они «сосредотачиваются на отдельных изолированных событиях и не стремятся рассмотреть вопрос с различных точек зрения». Им «не хватает способности к предвидению и понимания того, как ведутся дела в мире; даже горькие события прошлого года ничему их не научили». При этом «им недостает уверенности в себе, их мучают тайные страхи, и потому они используют в отношениях с внешним миром и братскими партиями тактику угроз и запугивания».

Едва ли можно было более точно и подробно описать слабые стороны Хрущева. Чжоу оказались известны даже тайны Хрущева, о которых он не упоминал ни в секретном докладе, ни в частных беседах. «Он не предпринял даже попыток самокритики», — докладывал Чжоу, в личной беседе поинтересовавшийся у Хрущева, почему наследники Сталина «отказываются признавать свою личную ответственность». Хрущев ответил на это, что «если бы они не боялись за себя, то могли бы сделать больше, чтобы сдержать разви-

тие ошибок Сталина». Однако, «перед тем как выйти из машины в [Московском] аэропорту, Хрущев объяснил мне, что такая самокритика, как у нас, у них невозможна и может доставить руководству большие неприятности»⁵².

Оппозиция Молотова, Маленкова и Кагановича усугубила потребность Хрущева в поддержке Китая. Китайский посол в Москве Лю Сяо заметил, что в начале 1957-го советский лидер сделался особенно внимательным к пожеланиям Пекина. Когда Ворошилов посетил Китай, где его приняли с необычайным гостеприимством, Хрущев завидовал ему — по крайней мере, так говорил принимавшей стороне сам Ворошилов. Однако победа Хрущева над «антипартийной» группой в июне 1957-го отнюдь не порадовала Китай. Как мог такой старый и заслуженный большевик, как Молотов, оказаться во главе «антипартийной группы»? — спросил Пэн Дэхуай у советского посла, сообщившего ему эту новость. «Почему вы так это назвали? — продолжал он. — Неужели не могли ничего умнее придумать?»⁵³

Правда, несмотря на свои сомнения в Хрущеве, Мао поддержал победителя. Осенью 1957-го он совершил свой второй и последний визит в Москву, куда был приглашен вместе с руководителями других компартий на празднование сорокалетия Октябрьской революции. Вскоре он откажется от советской модели развития и бросит вызов СССР — однако пока он продолжал возносить хвалы Хрущеву, хоть и явно неискренние. По его словам, в июне 1957-го Кремль стал свидетелем столкновения «двух линий: одной — ошибочной, и другой — относительно правильной»⁵⁴. Звучит не слишком убедительно; но еще слабее эта похвала прозвучала в русском переводе. Согласно свидетельству посла Югославии Мичуновича, переводчик произнес что-то о «двух тенденциях», из которых возобладала «тенденция, проводимая Хрущевым». А что на самом деле сказал Мао, известно только китайцам. По-видимому, что-то понял или о чем-то догадался Микоян: он «резко поднялся с места, и выражение его лица было отнюдь не дружелюбным»⁵⁵.

Если слова Мао возмутили сдержанного Микояна — что же должен был почувствовать Хрущев? «Ленин сказал однажды, что нет человека, который бы не совершал ошибок, — говорил Мао. — Я в своей жизни совершил немало ошибок, и эти ошибки были благотворны, ибо многому меня научили... китайская пословица гласит: “Цветок лотоса прекрасен, но, чтобы подчеркнуть его красоту, необходима зелень листьев”. Вы, товарищ Хрущев, прекрасный лотос: но вам не хватает зелени листьев. И мне, Мао Цзэдуну, хоть

я и не лотос, тоже не обойтись без зелени листьев. Есть еще одна китайская пословица, и она гласит: “Трое простых ремесленников, собравшись вместе, становятся равны одному Чжугэ Ляну — великому мастеру и мудрецу”. Это схоже с тем, что говорит товарищ Хрущев о коллективном руководстве»⁵⁶.

Комплимент это — или наоборот? И как понять рассуждения Мао о войне? «Если империализм навяжет нам войну, — говорил Мао на ноябрьском совещании, — а у нас сейчас 600 миллионов человек, и мы потеряем из них 300 миллионов, так что же, это ведь война, пройдут годы, мы вырастим новых людей и восстановим численность населения». Если Запад вторгнется на территорию СССР, продолжал он, не следует сопротивляться — лучше отойти за Урал и удерживать оборону год, два, три, пока китайцы не придут русским на помощь. «У меня вызвало удивление, как это Мао может так мыслить, и я не мог дать себе ответа», — рассказывает Хрущев⁵⁷.

Поведение Мао в Москве, в отличие от его двусмысленных речей, выглядело вполне однозначно. В отличие от Сталина, Хрущев окружил Мао гостеприимством на высочайшем уровне. Он поселил высокого гостя в роскошном дворце, когда-то принадлежавшем Екатерине Великой, обеспечил бесконечным потоком фруктов, шоколада, сигарет, напитков, каждое утро заезжал его проводить, сопровождал его на политические встречи и культурные мероприятия. Невозможно было вести себя более «уважительно и дружелюбно», пишет личный врач Мао. В ответ Мао буквально источал раздражение и презрение к любезному хозяину. Огромная мягкая кровать в екатерининской спальне ему не подошла, так что он устроил себе постель на полу. Роскошный туалет в ванной тоже не понравился — вместо него Мао пользовался ночным горшком. От услуг двух русских шеф-поваров он отказался и ел только китайские блюда, приготовленные его личным поваром. На представлении «Лебединого озера» в Большом театре отказался занять приготовленное Хрущевым место в ложе, заявив, что предпочитает сидеть «с массажи» (которых, впрочем, там не было — особенно в первых трех рядах, плотно нашпигованных работниками госбезопасности), а почти сразу после начала спектакля покинул зал — как будто, по словам доктора Ли, «сознательно отказывался от контакта с русской культурой». В личных беседах с китайскими коллегами (которые, разумеется, подслушивались КГБ) Мао то и дело «подпускал шпильки» в адрес своего хозяина. Искренние попытки Хру-

щева загладить унижение, которому подвергся Мао в 1949-м, обернулись против него. «Видите, теперь они с нами обращаются совсем по-другому, — презрительно говорил Мао. — Даже в коммунистической стране они не могут забыть о том, кто слаб и кто силен. Что за снобы!»

Поведение Мао было красноречиво и однозначно. Он обращался с Хрущевым как с «невоспитанным и назойливым дураком», вспоминал Лев Делюсин. Хрущев, добавляет Ли Юэжэнь, «не понимал Мао. Он не понимал, что Мао — великий руководитель и при нем нельзя болтать все, что в голову взбредет»⁵⁸.

Поездка Хрущева в Белград в мае 1955 года таила в себе еще больше опасностей, чем путешествие в Пекин. Он стремился перестроить советский блок по новым правилам: терпимо относясь к частным различиям и к некоторой автономии социалистических стран, подчеркивать их идеологическую и политическую общность с СССР, укреплять экономические и военные связи, а также личные отношения с руководителями⁵⁹. Однако осуществлению его планов препятствовали как восточноевропейские сталинисты, так и его собственные сомнения. Хотя Хрущев и признавал, что Сталин эксплуатировал восточноевропейцев, но, когда они отказались уступить КПСС «ведущую роль», разразился упреками: «Хотя в наших отношениях с социалистическими странами мы часто бывали неуклюжи... но никогда не использовали их для достижения своих эгоистических целей». Само такое отношение, вкупе с представлением о превосходстве русских, составляло часть проблемы. Поляки, не ценившие советскую помощь и постоянно требовавшие большего, «проявляли неблагодарность». Вообще все социалистические страны, замечал Хрущев в конце жизни, «смотрели на Советский Союз как на большую кормушку. Я знаю — я с ними со всеми имел дело»⁶⁰. Добавим к этому излюбленную Хрущевым тактику угроз и запугивания — хорошо понятную другим коммунистическим лидерам, поскольку они сами часто использовали ее как друг против друга, так и против собственных народов, — и мы поймем, почему укрепление советского блока оказалось столь нелегким делом.

В конце сороковых, когда в Восточной Европе начались «чистки» по образцу сталинских, самым страшным преступлением «предателей», вроде венгра Ласло Райка или чеха Рудольфа Сланского, назывался шпионаж в пользу Тито. Силы Запада играли на расколе между СССР и Югослави-

ей, стараясь укрепить с Тито политические и даже военные связи. Вот почему так важно было вернуть Югославию в «социалистическое содружество». Поездка в Белград в мае 1955-го потребовала от Хрущева недюжинной смелости — и, казалось, это рискованное предприятие увенчалось успехом. Советский и югославский руководители заверили друг друга во «взаимном уважении к суверенитету, независимости, целостности и равенству наших государств в отношениях как друг с другом, так и с другими государствами». Позже Тито заметил своим коллегам: «Это мог сделать только Хрущев. Молотов, Маленков, Ворошилов — никто из них не смог бы ничего изменить»⁶¹.

Первая их встреча происходила по образцу, который потом стал для Хрущева настоящим проклятием. Тито был готов к примирению, но на собственных условиях. Он стремился реформировать соцлагерь, выговорить для Югославии большую самостоятельность, укреплять, а не свертывать связи с Западом. Кроме того, гордый и щепетильный Тито не забыл своего конфликта со Сталиным. Он был готов укреплять связи между КПСС и КПЮ — но не раньше, чем сталинизм в СССР будет похоронен.

Напряжение проявилось уже через несколько минут после прибытия Хрущева, в белградском аэропорту. После вежливого приветствия Тито к микрофону шагнул Хрущев. Его речь была тщательно составлена и одобрена Президиумом. Вина за конфликт с Белградом возлагалась не на Сталина, а на Берию. По окончании речи Тито прервал переводчика. «Переводить не надо. У нас все знают русский язык», — бросил он и двинулся прочь, махнув советским гостям в сторону ожидающих их автомобилей. Позднее Хрущев любил вспоминать этот случай как доказательство того, что бессмысленно было оправдывать Сталина, возлагая его грехи на Берию. Однако в тот момент он был глубоко раздосадован. В сущности, Тито оскорбил своего гостя. В Москве «группировки, выступавшие против восстановления добрых отношений, были довольно сильными», вспоминал позднее Хрущев, и «холодный прием в Белграде мог быть расценен как враждебное недружелюбие и отбросить нас назад»⁶².

За первой неприятностью последовали другие. Тито и его главные министры прибыли на вечерний прием в роскошном Белом дворце при полном параде — в вечерних костюмах, с женами в вечерних платьях и драгоценностях, — а на Хрущеве и его спутниках были мешковатые летние пиджаки. Во время тура советской делегации по стране ее прини-

мали с явной холодностью. Когда они шли на яхте по Адриатическому морю, у Хрущева на глазах у Тито разыгралась морская болезнь. На приеме в советском посольстве Хрущев умудрился выпить. Позже, на ужине с Тито и его женой, пока Микоян произносил тост за тостом, а Булганин пытался поддерживать беседу, Хрущев лез целоваться со всеми, особенно с Тито, и умильно уговаривал его: «Йося, хватит дуться! Вот не знал, что ты такой обидчивый! Ну, давай выпьем и забудем старое!»⁶³

На встречах, где соблюдать дипломатический протокол не требовалось, Хрущев проявлял себя совсем иначе. На заводе в Загребе он сел за круглый стол и стал просматривать чертежи. В числе прочих журналистов за этим наблюдал Эдвард Кренкшоу, корреспондент «Обсервера». «Он преобразился: не было больше шута, хвастуна, грубияна... Он полностью сосредоточился на своем деле». Хрущев рассматривал чертеж не из праздного любопытства — ему необходимо было опровергнуть утверждение югославов, что советы рабочих могут управлять экономикой лучше, чем директора заводов и государственные службы, и «это было сделано — спокойно и абсолютно неопровержимо». В этой ситуации, продолжает Кренкшоу, Хрущев «не кричал, не повышал голос — однако все почувствовали, кто здесь хозяин, и никому не пришло в голову оспаривать его авторитет». Как будто «вся энергия, вся жизненная сила людей, собравшихся в этой комнате, передалась этому невысокому человеку — он точно знал, чего хочет, и добился своего с минимальными усилиями...»⁶⁴.

С Тито было не так легко совладать. В конце 1955-го и первой половине 1956 года Хрущев удвоил свои усилия по умасливанию гордого югославского лидера. Самая смелая уступка была сделана на XX съезде: говоря о том, что у разных стран — разные пути к социализму, Хрущев, несомненно, имел в виду Югославию. Оценил Белград и его усилия по улучшению отношений между Югославией и другими восточноевропейскими странами, и формальный роспуск (в апреле 1956-го) Коминформа, который в последние годы превратился в клуб по битью Белграда. Когда в июне 1956 года Тито посетил СССР, на границе его встречали артиллерийским салютом, на вокзалах в Молдавии, на Украине и в Москве толпился народ, вдоль улиц Ленинграда выстроились около миллиона горожан, а в Сталинграде воодушевленная толпа едва не раздавила Тито и самого Хрущева. Советские лидеры держались как нельзя лучше. На ужине в югославском посольстве даже Молотов «вместе с другими

самым жесточайшим образом критиковал сталинскую политику в отношении Югославии»⁶⁵.

Однако переговоры шли трудно. Относительно легко решались межправительственные вопросы: Советы не упрекали Тито за связи с Западом и не требовали немедленного признания ГДР. Выделение кредитов зависело от готовности Тито к «сотрудничеству», но особенно вдаваться в эту тему Хрущев не стал. На идеологическое единообразие Тито не соглашался ни в какую. Так и не добившись полного примирения, Хрущев попытался создать хотя бы его видимость — появился вместе с Тито перед десятью тысячами зрителей на стадионе «Динамо». Однако, сообщает Мичунович, русские «были разочарованы. Они столько вложили в этот визит, но их вклад не окупился»⁶⁶.

В последующие четыре месяца разочарование Хрущева усилилось. Вместо того чтобы укреплять коммунистическое единство, гордость и независимость югославского руководства ускоряли его развал. Вскоре после беспорядков в Познани Мичунович, приглашенный на прием в Кремль, заметил необычную мрачность Хрущева. Тито, пожаловался Хрущев, издал его речь, произнесенную на стадионе «Динамо», подвергнув ее цензуре. Он с коллегами принимал Тито «с самой искренней сердечностью» — а югославы в ответ «грубейшим образом нарушают достигнутые соглашения». Говоря об этом, Хрущев кипел от гнева. Он никому не позволит «играть с советским руководством»!⁶⁷

Мичунович, ничего об этом не знавший, попытался оправдаться: должно быть, в югославской прессе произошел какой-то «технический сбой». Советские руководители сравнили номера советской «Правды» и югославской «Борбы» строчка за строчкой. Немного успокоившись, Хрущев заметил, что не хотел этой ссоры — его натравили на Югославию коллеги. Однако сам инцидент был знаменателен. Тито не просто защищал свое видение коммунизма — он пытался его экспортировать, прежде всего в Польшу и Венгрию. Возможно, у самого Хрущева и были сомнения в Тито, но он вынужден был доказывать Президиуму, что не ошибся в его доброй воле. Поэтому Хрущев попытался завлечь югославского лидера на свою сторону, показав ему «секретный» фильм об испытаниях советской водородной бомбы, а его помощников засыпав подарками и подношениями. Куда бы ни поехали югославские гости в СССР — и летом, и позже, в сентябре, когда Тито по приглашению Хрущева прибыл в Крым отдохнуть, — в спальнях их ждали подслушивающие устройства. Кроме того, их накачивали водкой — хотя этот

дипломатический прием однажды вышел боком: Булганин, напившись, выразился о югославах крайне резко и недипломатично. Когда югославские гости находились на отдыхе в Крыму, туда неожиданно для них прибыл Эрне Гере, венгерский лидер-сталинист, сменивший Ракоши. Очевидно, Хрущев хотел, чтобы югославы завязали контакт с новым венгерским руководителем; даже если бы этого не случилось, он мог заявить, что его встреча с Тито состоялась⁶⁸.

Тито обошелся с Гере вполне дружески и даже пригласил его в Белград. Однако венгерская революция уже набирала обороты, а вскоре югославы вновь проявили себя не лучшим образом. Четвертого ноября они дали Имре Надю убежище в югославском посольстве. (22 ноября он покинул убежище, соблазнившись обещаниями СССР, — однако советские власти арестовали его, заключили под стражу в Румынии, а затем повесили.) А 11 ноября в городе Пула Тито произнес речь, в которой дистанцировался от советской интервенции в Венгрию. Не успев дочитать эту речь, Мичунович отправился на прием в Кремль; там его ждал такой холодный душ, по сравнению с которым предыдущее июльское столкновение казалось детской забавой. Даже не поздоровавшись с послом, Хрущев отвел его в соседнюю комнату и там, в присутствии Молотова и Булганина, буквально орал на него почти час без перерыва. Под конец, заметив, что через приоткрытую дверь эту сцену могли наблюдать другие, Хрущев вывел Мичуновича в другое помещение и там распекал еще около часа. Булганин ему поддакивал; Молотов по большей части молчал, и на лице его ясно читалось: «Я же говорил!» Выплеснув гнев, Хрущев предложил лично отвезти Мичуновича и его жену домой, в посольство. Когда машина остановилась в Хлебном переулке, госпожа Мичунович вышла из машины; однако, как выяснилось, разговор с ее мужем Хрущев еще не закончил. Было уже далеко за полночь, и на улице трещал мороз. Хрущев изменил тон: скорее жалобно, чем гневно, он заговорил о том, что от улучшения отношений с Югославией во многом зависит его личный престиж, что теперь ему придется присоединиться к своим коллегам и возобновить публичную критику Югославии, а это неизбежно приведет к ухудшению отношений между Москвой и Белградом. «Если бы вы видели мои письменные отчеты, которые я посылал после переговоров в Югославии и Крыму! — горестно восклицал он. — Если бы знали, как я надеялся, что наши отношения улучшатся!»

«Более странной беседы с Хрущевым, — замечает Мичунович в своем дневнике, — у меня еще не было». Советский

руководитель — прекрасный актер, он умел при необходимости изображать и гнев, и дружелюбие; сейчас он, пожалуй, преувеличил свои разочарование и обиду. Однако сама обида была вполне реальна, и несомненно, что он в самом деле воспринял речь Тито как личное оскорбление. В декабре, прибыв в Кремль для короткой беседы, превратившейся в очередной трехчасовой марафон, Мичунович «встретил Хрущева в таком состоянии, каким его не видел еще никогда, даже после речи Тито в Пуле... Хрущев понял, что [вице-президент Югославии] Кардель, говоря о “политике кукурузы и картошки”, намекал на него». Об этом Хрущев вспоминал и два месяца спустя. А через неделю на концерте советский руководитель пригласил Мичуновича сесть с ним рядом и шепотом выразил недовольство «отвратительной» карикатурой на себя и Булганина в белградской газете «Политика». С этими словами он протянул послу газету «как вещественное доказательство». Мичунович спокойно ответил, что лысый толстяк рядом с Булганиным — не Хрущев, а Эйзенхауэр⁶⁹.

Хрущев всегда был чувствителен к обидам, а неуверенность в своей правоте и неустойчивое политическое положение увеличивали его дискомфорт. Увы, такой теплоты, как летом 1956-го, советско-югославским отношениям более достигнуть было не суждено. Польша и Венгрия остались в соцлагере, а звезда Югославии скоро закатилась — и на Востоке, и на Западе. Однако, если Хрущев и победил — это была пиррова победа. Тито еще более укрепился в своей решимости отстаивать «югославскую модель». Хрущев попытался оградить от заразы другие страны, начав кампанию против югославского «ревизионизма». Однако то, что ему все-таки пришлось это сделать — после долгих переговоров, старательного улещивания и умасливания югославов, — само по себе свидетельствует о поражении⁷⁰.

Китай и Югославия смущали покой СССР; США могли его уничтожить. Уже в 1954-м, если не раньше, Хрущев начал проявлять пристальный интерес к отношениям Востока и Запада. Его сын заметил, что отец «особенно нервничал» в январе 1954 года, во время Берлинской конференции министров иностранных дел. «Он возвращался домой очень поздно и подолгу говорил по телефону» — с Молотовым. По словам помощника Молотова, Хрущев был недоволен «вялостью и безынициативностью» министров иностранных дел; он постоянно жаловался на них коллегам — особенно

«разогревшись» на дипломатических приемах. В то время помощь Молотова против Маленкова была ему необходима, и до начала 1955-го Хрущев не решался открыто ему противоречить. В это же время он вплотную занялся оборонной политикой Советского государства, поставив себе цель: снизить расходы на оборону, тяжким бременем лежавшие на советской экономике, не ослабив, а напротив, усилив национальную безопасность. Решение проблемы Хрущев видел в ядерном оружии.

Ко времени смерти Сталина его программа по разработке атомного вооружения действовала уже восемь лет⁷¹. В 1952-м разведка США сообщала, что к середине 1953-го СССР будет обладать не менее чем двумястами ядерными бомбами. На самом деле к этому времени у Москвы было всего сто двадцать бомб, а бомбардировщиков, способных донести смертоносный груз до США и вернуться домой, СССР не имел до 1956 года⁷². Быстрое развитие атомного вооружения не уменьшало затрат на оборону — скорее наоборот. Тогда Хрущев решил блефовать. Ядерное оружие, полагал он, так разрушительно, что никто никогда не решится его применить; он замечает, что, когда впервые «узнал все факты о ядерной мощи, после этого несколько дней спать не мог. А потом понял, что мы ведь все равно никогда не станем им пользоваться... и снова заснул спокойно»⁷³. В результате он грозил миру ядерной войной, не собираясь претворять в жизнь свои угрозы, и в то же время сокращал обычное вооружение — военно-морские и военно-воздушные силы. Поскольку американцы сильно превосходили русских в числе и качестве бомбардировщиков, Хрущев решил положиться на ракеты. Первая ядерная ракета, 270-тонная и полтораступенчатая Р-7, сконструированная Королевым, прошла испытания только зимой 1956-го — однако еще до этого Хрущев всю «применял» ее в столкновениях с государственными деятелями США⁷⁴.

Центральная идея новой политики Хрущева — то, что позднее стали называть «разрядкой». По мысли Хрущева, снижение международной напряженности должно было снизить сопротивление Запада коммунистическим идеям, соблазнить капиталистов на развитие торговли между Западом и Востоком и создать имидж СССР, привлекательный для стран третьего мира. Сталин и Молотов тоже не пренебрегали «передышками» — Хрущев предпочитал неограниченно долгий период «мирного сосуществования». Он не отказывался от революционной миссии большевиков, но считал, что выполнять ее удобнее в странах третьего мира,

мало интересовавших Сталина и Молотова. В международной политике он полагался прежде всего на личные отношения: стремился завоевать симпатии иностранных лидеров, окружив их вниманием, и преодолеть их недоверие своими открытостью и упорством. Будь жив Сталин — ему все это пришлось бы не по нраву. Помощник Молотова вспоминает замечание своего шефа: по его словам, «во внешней политике такая наивность сродни преступлению»⁷⁵. Однако чем больше ворчал Молотов, тем яростнее Хрущев стремился доказать правильность своего подхода.

Кремль устраивал для дипломатов роскошные ужины и гала-концерты в Георгиевском зале. В августе 1955-го была проведена загородная дипломатическая вечеринка в Семеновском, в шестидесяти километрах к юго-востоку от Москвы: дипломаты катались на лодках, отдыхали в гамаках и ужинали под звуки военного оркестра — все было, по словам Сесила Пэрротта, «очаровательно». Под легкий летний пиджак Хрущев надел свою знаменитую косоворотку. Неудивительно, замечает Пэрротт, что чопорный и неприступный Суслов скоро, «как белый кролик, посмотрел на часы и нырнул в какую-то нору». Вечеринка напомнила английскому дипломату «шекспировские сказки, в которых Булганин играл роль то Просперо, то герцога Арденнского леса».

Впрочем, не все дипломатические мероприятия проходили так удачно. Едва взглянув на Хрущева и Чжоу Эньлая на приеме в июле 1954-го, посол Хейтер понял, каково истинное силовое и культурное соотношение между СССР и его «сателлитом» Китаем. Чжоу общался с коллегами «на прекрасном беглом английском, из которого его русские слушатели не понимали ни слова». Во время воздушного праздника в Тушине в июне 1956-го, вспоминает Хейтер, Хрущев, выпив больше, чем следовало, «принялся поливать грязью буквально все зарубежные страны». Булганин тщетно пытался его остановить; Молотов слушал молча, поджав губы; «Все это совершенно не нужно!» — скривившись, прошептал Каганович. Несколько иностранных дипломатов поднялись с мест и откланялись — а Хрущев, не замечая этого, все продолжал говорить⁷⁶.

Первая значительная инициатива Хрущева в отношениях с Западом касалась Австрии. После войны Австрия, как и Германия, подверглась оккупации. Хрущев решил, что СССР ничего не потеряет, если советские войска оставят Австрию в обмен на договор, согласно которому Австрия, как Швейцария, обязуется хранить нейтралитет. Перегово-

ры с Австрией затянулись на несколько лет, и ведущий их Молотов обвинял в затягивании дела Хрущева. Тот «не имел опыта международных контактов... и... оказался в положении той Дуньки, которая (в пьесе «Любовь Яровая») готовилась уехать в Европу»⁷⁷. Однако Хрущева это не останавливало.

Первым западным лидером, с которым Хрущев вел переговоры лично, стал австрийский канцлер Юлиус Рааб. «Первый раз в жизни, господин Рааб, — сказал ему Хрущев при первой встрече, — мне доводится сидеть рядом с капиталистом». Переговоры с Австрией стали для Хрущева и его коллег «пробным шаром, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо». В конце концов, хвастал он, «выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний. Если образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей. Наш успешный дебют был признан не только в СССР, но и за рубежом, что тоже имело большое значение. Мы ощутили свою силу»⁷⁸.

Следующим испытанием стал для Хрущева женевский саммит в июле 1955-го. В пятидесятые годы в саммитах участвовали четыре стороны: внимания к себе требовали и Лондон, и Париж. Однако главным игроком — игроком, ведущим жесткую игру, — в советских глазах оставались США. Даллес был более гибок, чем казался (он внимательно следил за трещинами в советском блоке и готов был при необходимости снижать напряженность холодной войны); однако он предсказывал, что саммит окажется безрезультатным. Эйзенхауэр, как и Хрущев, делал ставку на личные отношения и надеялся выиграть при помощи своего обаяния и авторитета. Накануне саммита Даллес признался другу, что «ужасно обеспокоен». Эйзенхауэр «любит, чтобы между людьми все шло ровно и гладко», и «устает от неприязни и неопределенности». Даллес опасался, что Айк примет тактическую любезность за «признак внутреннего тепла» и поверит обещаниям, которым верить не стоит»⁷⁹.

И Хрущев, и Эйзенхауэр ценили личные контакты больше соглашений по существу отчасти потому, что последние казались недостижимыми. Проблема Германии и связанные с ней вопросы европейской безопасности не оставляли возможности для компромисса: Запад настаивал на объедине-

нии Германии и свободных выборах, Советы предпочитали, чтобы Германия осталась разделенной. Самое яркое предложение Эйзенхауэра в Женеве — идея «открытого неба», то есть разрешения наблюдательных полетов над военными базами друг друга — поразило Хрущева, увидевшего в этом предложение легализации шпионажа⁸⁰. Болен назвал Женеву «одной из самых бесплодных и разочаровывающих встреч». Хейтер рассказывает, что на большинстве заседаний перечитывал «Войну и мир»; а Анатолий Добрынин, впоследствии советский посол в США, а в то время молодой дипломат, вспоминает такой показательный случай: в ответ на заявление Эйзенхауэра, что НАТО — не агрессивная организация, Хрущев поинтересовался, почему же туда не может вступить СССР. «А вы подавали заявку?» — изумленно спросил Эйзенхауэр. «Несколько месяцев назад», — ответил Хрущев. Эйзенхауэр растерялся и не знал, что ответить; эту мини-дуэль он явно проиграл⁸¹.

Поскольку перспективы реальных соглашений были очень сомнительны, женевский саммит стал для Хрущева экзаменом в ином отношении: сумеет ли он вести себя как подобает руководителю великой державы? Сможет ли достойно представлять свою страну? Подойдет ли к встрече трезво, без нереалистических надежд, не поддастся ли соблазну запугивания противоположной стороны? 4 июля, перед отлетом из Москвы, Хрущев энергично отрицал, что советская сторона «ползет в Женеву на коленях», «с переломанными ногами». Однако сам, по словам его сына, «подозрительно следил за соблюдением дипломатического протокола, опасаясь, что его оскорбят, не оказав каких-либо из принятых знаков уважения». Вообще соблюдение этикета стало для него серьезной проблемой. «Он то и дело возвращался к этой болезненной теме». Что надеть, как к кому обращаться, какими столовыми приборами пользоваться на дипломатических ужинах? Булганин бывал за границей не чаще его самого, и за консультациями по вопросам этикета Хрущеву приходилось обращаться к Молотову. Надо ли ему надевать белый галстук и перчатки как министру иностранных дел? «Ну нет, пусть принимают нас такими, какие мы есть! — ворчал он в кругу семьи. — Мы не станем им подыгрывать. Мы — пролетарское государство, страна рабочих и крестьян: вот пусть и говорят с рабочими»⁸².

Хрущев боялся, что так и не попадет в Женеву. Он отчаянно хотел участвовать в саммите, вспоминает его сын: «Просто не мог вынести мысли о том, что первое со времени смерти Сталина совещание лидеров великих держав

Н. С. Хрущев в годы войны.

На испытаниях движущейся противотанковой мины. *Июль 1943 г.*

Командующий Юго-Западным направлением С. К. Тимошенко,
Н. С. Хрушев и начальник Оперативного управления штаба И. Х. Баграмян.

Н. С. Хрущев и В. М. Чураев осматривают лежащий в руинах Харьковский тракторный завод. 24 августа 1943 г.

С ранеными бойцами на Воронежском фронте. 3 августа 1943 г.

7 ноября 1943 года в Киеве. Парад принимают командующий Первым Украинским фронтом Н. Ф. Ватутин и член Военного совета первый секретарь ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущев.

С генералами К. С. Москаленко (справа) и А. А. Епишевым.
Западная Украина. 1944 г.

С Л. М. Кагановичем (в центре) и Д. З. Мануильским.
Межгорье. 1 мая 1947 г.

Вилла в Киеве, где Хрущев с семьей жил после войны. *Фото автора.*

Н. С. Хрущев, И. В. Сталин и В. М. Молотов на трибуне Мавзолея. 1952 г.

Л. П. Берия, Г. М. Маленков, П. К. Пономаренко, И. В. Сталин,
Л. М. Каганович. Кремль. Начало 1950-х гг.

В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Поскребышев, Н. С. Хрушев, А. И. Микоян на Ближней даче.

Похороны Сталина. В первом ряду слева направо: В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Чжоу Эньлай, Л. П. Берия, Н. С. Хрушев.

Хрущев на трибуне XX съезда КПСС.

С министром обороны СССР маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в кулуарах Большого Кремлевского дворца. 1956 г.

С Кагановичем и Булганиным в Подмоскowie. 1956 г.

С П. Е. Шелестом на кукурузном поле. *Украина.*

С членами Президиума на охоте в Завидове.

С премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом. В центре — переводчик В. М. Суходрев. 1959 г.

С вице-президентом США Ричардом Никсоном. Москва. Лето 1959 г.

Н. С. Хрущев, М. Эйзенхауэр, Н. П. Хрущева и Д. Эйзенхауэр.

С фермером из Айовы Росуэллом Гарстом.

В Голливуде с исполнительницей канкана.

Встреча с рядовыми американцами.

Булганин, Мао Цзэдун и Хрущев. Пекин. 1954 г.

С Иосипом Броз Тито и его супругой Йованкой. Белград. Май 1955 г.

Н. С. Хрущев и президент Египта Гамаль Абдель Насер.
Нью-Йорк. Сентябрь 1960 г.

Н. С. Хрущев с супругой в гостях у президента Франции Шарля де Голля.
Елисейский дворец. Март 1960 г.

На пресс-конференции
после срыва
Парижского саммита.
Справа —
Р. Я. Малиновский.

На сессии Верховного
Совета Хрущев
разоблачает лживые
заверения правительства
США относительно
сбитого американского
самолета У-2.

пройдет без него». Советскую делегацию официально возглавлял глава государства Булганин, и поскольку Хрущев формально не занимал государственных должностей, его присутствие могло выглядеть странно. Много лет спустя он так и не мог решить для себя этот вопрос: «Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече, познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к международной политике на высшем уровне»⁸³.

Унижения начались уже в аэропорту. Западные делегации прибывали на четырехмоторных самолетах, а советская — на двухмоторном. «Наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники, — признавал позднее Хрущев. — Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации». *Несколько?* «До самой своей смерти, — рассказывает его сын, — он не мог забыть того унижения, которое испытал, когда двухмоторный Ил-16 приземлился в Женеве». Рядом с западными воздушными лайнерами «он выглядел какой-то букашкой». Когда Булганин, согласно церемониалу, двинулся вперед, вспоминал Хрущев, «...вдруг перед самым моим носом выросла спина протоколиста правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить, но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня возможности пройти вместе с Булганиным. Так как я занимал тогда пост первого секретаря ЦК КПСС, то, с их точки зрения, было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре»⁸⁴.

Помещение, где проходили переговоры — зал совещаний Лиги Наций в Пале де Насьон, — приводило в трепет. Главное место занимал огромный четырехсторонний стол с двумя рядами кресел для высокопоставленных дипломатов и скамьями на заднем плане для их помощников. Стены были расписаны картинами на античные темы; из большого окна открывался великолепный вид на Женевское озеро и окружающие его горы. Каждая делегация занимала за столом пять кресел. Эйзенхауэр сидел в середине, по правую руку от него — Даллес. Напротив них восседали Булганин с Хрущевым и маршалом Жуковым по одну сторону и Молотовым и Громыко — по другую. Английскую делегацию возглавлял Энтони Иден, французскую — премьер-министр Эдгар Фор и министр иностранных дел Антуан Пине⁸⁵.

С этими-то прославленными государственными деятелями Хрущеву приходилось вести не только переговоры, но и

светские беседы. Эйзенхауэр предложил заканчивать каждое пленарное заседание неформальным «полдником», чтобы смягчать возникшее напряжение за рюмкой martin. На одном из таких «полдников» он представил Хрущеву Нельсона Рокфеллера, советника американской делегации. Удивленный тем, как «демократично» Рокфеллер одет, Хрущев шутливо ткнул первого американского миллионера кулаком в бок. «Так это и есть тот самый мистер Рокфеллер!» — воскликнул он. И, без сомнения, ощутил облегчение, когда практичный и приземленный Рокфеллер «принял шутку и ответил тем же со своей стороны»⁸⁶.

На заседаниях от советской стороны выступал в основном Булганин: по замечанию одного из американцев, речи его порой звучали «как отчет председателя крупного благотворительного общества на ежегодном заседании». Хрущев не стеснялся прерывать его, если считал нужным, а на дипломатических ужинах перехватывал главную роль. Иден пишет, что он «встревал в разговоры» и «старался перехватить инициативу у своих товарищей». На ужине на американской вилле Хрущев высмеял слабость Булганина к выпивке. На приеме у русских официальным хозяином торжества был Булганин, однако, по словам помощника госсекретаря США Ливингстона Т. Мерчанта, «Хрущев привлекал всеобщее внимание как говорливостью, так и прежде всего необычайными застольными манерами». В другой раз перед ужином «мистер Хрущев пространно и красноречиво рассказывал о необыкновенном успехе, которого они добились, скрестив зебру с коровой. По его словам, получились полосатые коровы — самые настоящие коровы, с рогами и со всем прочим»⁸⁷.

Если даже американцев, привыкших к неформальному стилю общения, поражала невоспитанность Хрущева, то более утонченные европейцы были от него просто в ужасе. «Хрущев — для меня загадка, — записал 22 июля в дневнике Гарольд Макмиллан. — Как может этот вульгарный, бесконечно болтающий толстяк с пороссячьими глазками править огромной страной с многомиллионным населением, в сущности, исполнять роль царя?» Антуана Пине также поражал «этот коротышка с пухленькими ручками». Макмиллан почти готов был пожалеть бедных русских, которые так хотят, «чтобы их признали — и даже полюбили»⁸⁸.

По сравнению с неформальными мероприятиями, переговоры шли легко: все, что требовалось от советской делегации — твердо стоять на своих позициях по вопросу о Германии и о разоружении и не допускать вмешательства в дела Восточной Европы. Хрущев не только отказывался уступать

империалистам, но и полагал, что они должны уступить ему. Во время ужина на американской вилле Эйзенхауэр горячо настаивал, что «война в ядерную эпоху бессмысленна», что, применив ядерное оружие, любое из государств рискует уничтожить самое себя вместе со всем Северным полушарием. Помощник госсекретаря Мерчант позже одобрительно отозвался об этой тактике: «Благодаря этому саммиту мы прежде всего дали понять советским лидерам, что США не следует бояться — мы на Россию не нападём. Президент, благодаря своей открытости и искренности, сумел убедить в этом советское руководство, избавив нас от риска советских действий, вызванных непониманием наших собственных намерений». Однако реальный эффект оказался почти противоположным. Хрущев покинул Женеву «воодушевленный, обнаружив, что противники, похоже, боятся нас не меньше, чем мы их». Это подтолкнуло его к тактике блефа и угроз ядерной войной как средству давления на американцев⁸⁹.

Уверенность Хрущева укрепило еще одно впечатление. Он заметил, что Эйзенхауэр во время переговоров во всем полагается на Даллеса, что Даллес постоянно передает ему записки, которые Эйзенхауэр «добросовестно, как школьник, зачитывал», — и «мне было жаль его: нельзя так себя вести перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо». После Женевы Хрущев сообщил на заседании Президиума: «Я не могу судить, насколько хорош Эйзенхауэр как президент. Это пусть американский народ решает. Но, как отец и дед, скажу: в школе или в детском саду я бы с радостью доверил этому человеку своих детей». Добрынин позже писал, что Хрущев доверял Эйзенхауэру «как ветеран ветерану», полагая, что человек, переживший войну, не допустит развязывания новой войны. Эта уверенность позволяла Хрущеву без всяких опасений блефовать, в кризисных ситуациях угрожая США ядерным ударом⁹⁰.

Поездка в Женеву принесла и другие дивиденды. Сам Хрущев по магазинам не ходил, но отправил своего помощника узнать, сколько стоят швейцарские часы. В Юзовке, еще до революции, он носил швейцарские часы — и вспоминал о них, по словам сына, «с благоговением». Узнав, что сейчас такие часы недороги, он заказал часы для себя и всей семьи, а вслед за ним то же сделали и другие члены делегации. Кроме того, он купил швейцарский армейский нож, которым срезал грибы и чистил яблоки до самой смерти⁹¹.

Если верить его зятю, Хрущев вернулся из Женевы «довольным, даже радостным». По его собственным словам, он доказал, что может «достойно представлять свою страну»⁹².

Будь его воля, Хрущев немедленно после Женевы отправился бы в Вашингтон. Хрущев и Булганин даже спросили о приглашении, и Эйзенхауэр отмечал на заседании конгресса: «Они ломаться не станут. Эти люди любят быть на публике». Интуиция Эйзенхауэра подсказывала ему ответить согласием; но Даллес «счел, что я чересчур импульсивен», и президент ограничился обещанием проработать этот вопрос⁹³.

Однако на встрече министров иностранных дел в октябре 1955-го не было принято никаких соглашений; в сущности, министры не договорились даже об общих принципах, исходя из которых можно было бы вести переговоры. По возвращении Даллес объявил, что холодная война продолжается. В реакции Хрущева чувствуется нешуточное раздражение. «Успех, которого мы достигли на женевском совещании, очень небольшой, в сущности, микроскопический», — заявил он 24 ноября. Затем он заметил, что «готов ждать, как говорится, пока не каплет». Однако и два дня спустя нетерпеливо отмечал, что ядерное оружие «действует на нервы тем, кто хотел бы развязать войну», добавив к этому: «Мы должны использовать все свои возможности, чтобы заставить агрессивные круги в некоторых странах поменьше говорить о войне и побольше — о контактах... и разрядке международного напряжения»⁹⁴.

Оправившись после разочарования в американцах, Хрущев обратил свои взгляды в сторону Бонна. К тому времени западные державы уже прекратили оккупацию Западной Германии и позволили ФРГ вступить в НАТО, однако опасались, что СССР каким-либо образом сумеет переманить Бонн на свою сторону. Вот почему известие о том, что канцлер Конрад Аденауэр летит в Москву, вызвало сенсацию. Результаты советско-германских переговоров в сентябре 1955 года были довольно скромными (СССР согласился амнистировать и вернуть в Германию немецких военнопленных, Аденауэр смирился, по крайней мере временно, с существованием двух Германий), однако Хрущев был доволен. «Мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас»⁹⁵.

В октябре Хрущев и Булганин отправились в длительную поездку по Индии, Бирме и Афганистану. Сталин интересовался делами на Ближнем Востоке, однако не вмешивался, полагая, что такого вмешательства Великобритании не потерпит. Вообще Индия, как и другие малоразвитые страны, по словам Хрущева, «Сталина не слишком интересовала». Однако теперь, когда колониальная система рушилась и на бывшие владения европейских держав нацеливались США,

Хрущев поспешил им наперерез. Молотов, рассказывал позднее Хрущев египетскому президенту Насеру, назвал его новый политический курс «авантюризмом». На это Хрущев ответил: «Лучшая оборона — нападение. Я сказал, что нам необходима новая, активная дипломатия, поскольку невозможность ядерной войны означает, что борьба между нами и капиталистами будет теперь вестись другими средствами. Я не авантюрист, сказал я им, но мы должны поддержать новые освободительные движения...»⁹⁶

Азиатское турне Хрущева и Булганина длилось почти два месяца: советская делегация преодолела тысячи километров на самолетах, поездах и автомобилях. Миллионы людей собирались посмотреть на них и послушать. Они посещали индустриальные и культурные центры; Хрущев ездил на слоне («Слон на слоне», — язвил по этому поводу Молотов). Официальным «спикером» делегации являлся Булганин, но обычно Хрущев скоро перехватывал у него инициативу. Он говорил обо всем на свете; его речи порой поражали и смущали слушателей (особенно та, в которой он сравнил британских империалистов с Гитлером), и общее впечатление от советских гостей побуждало местных хозяев сохранять осторожный нейтралитет. Результаты поездки остались неясны⁹⁷.

Среди прочих инициатив Москвы этого периода нужно назвать отказ от требований немедленного разоружения, согласие урезать численность Вооруженных сил до 640 тысяч человек и возвращение Финляндии военно-воздушной и военно-морской баз на полуострове Порккала, хотя до окончания пятидесятилетнего срока их аренды оставалось еще сорок два года⁹⁸. Булганин забрасывал американского президента письмами с предложениями дружбы и сотрудничества, вызывавшими у Эйзенхауэра реакцию типа: «Не трудитесь, я сам с вами свяжусь». В марте на приеме в Кремле Булганин отвел Болену в сторонку и сказал, что, если тот желает «открыто и сердечно» побеседовать с ним или с Хрущевым, советские лидеры к его услугам. Болен только об этом и мечтал — но, «к сожалению, Даллес так и не дал мне разрешения на такой разговор». Одной из причин сопротивления Даллеса стал секретный доклад Хрущева. Если, как полагал американец, одной из причин советских реформ стала жесткая позиция Америки, то давление следовало продолжать. Одним из актов такого давления стал полет шпионского самолета У-2 над Москвой и Ленинградом 4 июля 1956 года — в то самое время, когда Хрущев со своими коллегами отмечал День независимости на приеме в американском посольстве⁹⁹.

В Соединенные Штаты его пока не приглашали, и, чтобы не терять времени зря, Хрущев вместе с Булганиным отправился в Великобританию, куда получил приглашение от Идена в прошедшем году¹⁰⁰. «Не считая Женевы, — пишет Хрущев в мемуарах, — это было мое первое путешествие за границу»¹⁰¹. Это, конечно, не совсем так; но, очевидно, социалистические страны и страны третьего мира Хрущев за «заграничные» не считал. Перед высокоцивилизованными англичанами он хотел предстать не только руководителем великой державы, но и культурным человеком, способным держаться с достоинством.

«Отец волновался, — вспоминал позднее Сергей Хрущев. — Особенно беспокоился о том, как бы не выглядеть в их глазах дураком». Что, если советское Министерство иностранных дел не сумеет должным образом подготовить его к путешествию? Боясь совершить ошибку, Хрущев сначала отправил в Лондон Маленкова как подопытного кролика — и с облегчением узнал, что ему там оказали самый уважительный прием. Если бы, думал Хрущев, прилететь на четырехмоторном Ту-104! Это был, рассказывает он, «первый в мире реактивный пассажирский самолет, и мы хотели, чтобы они на него посмотрели». Маленкову позволили рисковать жизнью на новом самолете; однако Хрущев и Булганин отправились в Англию морем, на боевом эсминце, на борту которого отпраздновали шестидесятидвухлетие Хрущева. Хрущев организовал доставку себе в Англию почты на новом самолете — и с удовлетворением замечал, что «наш самолет заходил на посадку как раз неподалеку от королевского дворца». На приеме королева вежливо упомянула о том, что видела новый советский самолет — «мы стали рассказывать ей про самолет, какой он хороший, современный, лучший в мире, а другие страны пока такого самолета не имеют»¹⁰².

Были у Хрущева и другие поводы для беспокойства. Не доверяя сметливости Булганина, он просматривал все его речи, напечатанные мелким шрифтом на малоформатных листочках бумаги, умещающихся в кармане пиджака. Почему делегацию поселили в «Клэридже», роскошном отеле, а не на отдельной вилле, как обычно СССР устраивает своих гостей? Вдруг это от недостатка уважения? На прием к королеве Хрущев наотрез отказался надеть обычный по такому случаю фрак, но согласился на строгий черный костюм, который пришлось шить в последнюю минуту. Комната Хрущева в «Клэридже» была нашлифована подслушивающими устройствами — однако, докладывал служащий МИ-15

Питер Райт, никаких государственных тайн подслушать не удалось, «только бесконечные монологи, адресованные помощникам и посвященные тому, как он выглядит, как держится и как его принимают. Необыкновенно тщеславный человек. Часами прихорашивался перед зеркалом, приглаживал волосы»¹⁰³.

Волос у Хрущева к тому времени уже почти не было. Члены семьи уверяют, что собственная внешность его не заботила. Однако если уж блистать, то где как не в компании элегантного Идена и его коллег? Сам Хрущев в беседах с хозяевами неоднократно называл себя «человеком простым», однако «открыто говорил, что хотел бы произвести на хозяев хорошее впечатление». Он очень старался вести себя сдержанно: не претендовал на познания в специальных вопросах, позволял членам делегации говорить на специальные темы, не прерывая их. Когда же зашла речь о базовых политических вопросах, Хрущев отодвинул в сторону формального главу делегации — Булганина. Когда делегация вернулась домой, Молотов упрекнул Хрущева в том, что он «подавлял главу правительства и делегации». Сам Хрущев позже говорил: «Не буду сейчас играть в скромность. Ведь потом выяснилось, что Булганин, правильно понимая свои возможности, на ряд вопросов не смог бы ответить так, как нужно было». Британские наблюдатели заметили, что «Хрущев часто подшучивает над Булганиным, но никогда — наоборот»¹⁰⁴.

Согласно заявлениям британских официальных лиц, Хрущев излагал свои взгляды «ясно и убедительно», знал предмет разговора, говорил «без бумажных планов и текстов речей» и умело сводил сложные проблемы к «простым и четким схемам». Даже когда ему случалось говорить резко и грубовато, «все искупала его уверенность в себе и приземленный, народный юмор». По словам советского дипломата и переводчика Олега Трояновского, «он вел себя почти как джентльмен». Почти, но не совсем. У памятника принцу Альберту гид объяснил, что принц-консорт не имел никаких государственных обязанностей, а лишь исполнял обязанности супруга королевы. «А чем же он занимался днем?» — лукаво улыбнувшись, спросил Хрущев¹⁰⁵.

Кстати, о супругах. Миссис Иден, должно быть, была немало удивлена, когда на рассвете услышала стук в дверь своей спальни в Чеккерсе (загородном особняке премьер-министра): это советский руководитель, заблудившийся в особняке, разыскивал своего премьер-министра («Мы посмеялись, — вспоминал Хрущев, — но решили не объяснять

хозяевам, кто же постучал в дверь комнаты госпожи Иден»); не меньше изумила ее застольная «шутка» Хрущева, заявившего за ужином, что советские ракеты «не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше» (сам Хрущев потом признавал, что «это вышло с моей стороны несколько грубовато»). Королева Елизавета принимала гостей любезно и произвела на него хорошее впечатление. На ней было «светлое платье неяркой расцветки», вспоминал Хрущев; «в Москве на улице Горького можно встретить летом молодую женщину в таком же одеянии». «Она не проявила никакой королевской чопорности». «Обычная женщина, жена своего мужа и мать своих детей»¹⁰⁶.

Хрущев изо всех сил старался вести себя как джентльмен, однако иногда все же поддавался на провокации и давал волю раздражению. Однажды зеваки на улице встретили его неодобрительными криками. Хрущев спросил у Хейтера, что означают «эти звуки — “бу-у, бу-у”». Хейтер, поколебавшись, объяснил, что криком «Бу-у! Бу-у!» англичане выражают неодобрение¹⁰⁷. Всю оставшуюся поездку Хрущев то и дело бормотал себе под нос: «Бу-у! Бу-у!» Обед с лидером партии лейбористов Хью Гейтскеллом прошел неплохо, хотя у Гейтскелла и сложилось впечатление о Хрущеве как о «сущем поросенке, хотя и симпатичном». Но на последовавшем затем ужине лейбористский оратор Джордж Браун отпустил серию шуток касательно Сергея Хрущева (он был в составе делегации), осмелившегося в чем-то не согласиться со своим отцом. Хрущев обиделся и в ответ разразился пространной речью, по словам Гейтскелла, «резкой и даже нестерпимо грубой». «Никогда не забуду, — добавляет Р. Х. С. Кроссман, — безответственных заявлений Хрущева о том, что мы должны немедленно присоединиться к русским, а иначе они смахнут нас с лица земли, словно тараканов».

Браун и Бивен несколько раз прерывали Хрущева. Один раз Браун спросил о судьбе своих товарищей-социалистов, ликвидированных коммунистами. «Если хотите помогать врагам рабочего класса, — взревел в ответ Хрущев, — ищите себе других дураков!» Когда Браун поднял бокал и выразил надежду, что они останутся друзьями, Хрущев отрезал: «Только не со мной!» — и вышел из комнаты. На следующий день он отказался пожать Брауну руку, в ответ Бивен, не сдержавшись, проворчал: «Он невозможен. Ведет себя как ребенок!» Хрущеву эту реплику, разумеется, не перевели¹⁰⁸.

Открытая ссора между левыми партиями-союзницами отнюдь не была беспрецедентной — однако Хрущев еще

долго не желал мириться. «Я таких, как вы, тридцать лет не встречал!» — объявил он Брауну. «Грубость» Брауна глубоко его задела, быть может, именно потому, что отчасти повторяла его собственную. Иден, разумеется, наслаждался этой историей. «Люди такого воспитания и темперамента, как господин Хрушев, — язвительно отмечал он, — не выносят ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего интеллектуальную опеку»¹⁰⁹.

Сам Иден полагал, что Хрушев и Булганин «способны прекрасно отстаивать свое мнение в дискуссии по любому вопросу», и относился к их поведению «с уважением». В переговорах с Иденом Хрушев был безукоризненно вежлив (даже когда они схлестнулись по вопросу о Ближнем Востоке), но сам портил впечатление своими простодушными репликами — так, когда советская делегация заняла свои места за столом переговоров на Даунинг-стрит, Хрушев заметил: «Вы посмотрите, как мы выдрессированы — идем, как лошади в стойло»¹¹⁰.

Поездка «Б и Х» (как именовали их британские таблоиды) не принесла существенных результатов, однако для Хрушева стала значительным шагом вперед. Но впереди его ждали новые испытания. Начались волнения в Восточной Европе, вину за которые — по крайней мере на публике — Хрушев возлагал на Запад. За польскими беспорядками, заявил он Мичуновичу в июле 1956 года, «стоят Соединенные Штаты и Даллес». «Он полагает, — записал Мичунович 25 октября, — что Запад стремится пересмотреть результаты Второй мировой войны, что он начал с Венгрии и теперь будет стараться сокрушить социалистические страны поодиночке»¹¹¹.

Волнения в Восточной Европе и в самом деле возбудили в Вашингтоне определенные надежды. Отказ СССР от Венгрии, заявил Эйзенхауэр 31 октября, будет означать «рассвет нового дня». Это будет «огромный рывок к справедливости, доверию и взаимопониманию между народами»¹¹². В надежде «освобождения» Польши и Венгрии США открыли радиостанцию «Свободная Европа», передачи которой как будто призывали жителей социалистических стран к восстанию¹¹³. Из страха превратить региональный кризис в глобальную войну Эйзенхауэр отказался от идеи прямой военной помощи мятежникам. Лучший способ помочь венграм, решили Эйзенхауэр и Даллес, — успокоить русских, заверив их, что США не станут участвовать в конфликте¹¹⁴.

Объяснение восточноевропейских проблем «происками империалистов» было выгодно Москве, в том числе и в политическом отношении. Благодаря Венгрии, говорил Хрущев Мичуновичу, Запад убедился, что Советский Союз «силен и решителен», а западные страны «слабы и разъединены»¹¹⁵. Он продолжал: «Теперь возобновится холодная война — но для Советского Союза это не так уж плохо» — заявление, подтвержденное результатами Суэцкого кризиса, разразившегося примерно в это же время¹¹⁶.

К лету 1956 года СССР взял Египет под свое покровительство. Москва снабжала Каир чешским оружием, а вскоре после национализации Насером Суэцкого канала Хрущев заявил Хейтеру: «Война Египта против Англии была бы священной войной, и если бы мой сын пришел ко мне и спросил, стоит ли ему пойти добровольцем против англичан, я бы ответил ему: “Конечно, стоит”». Кремль пытался предотвратить конфликт, однако 29 октября Израиль при поддержке британских и французских сил вторгся на территорию Египта. 30 октября в Москву прибыл сирийский президент Шукри аль-Куатли; он умолял о помощи. «Что же мы можем сделать?» — спросил Хрущев. Он повернулся к маршалу Жукову; тот расстелил на столе карту Ближнего Востока и спросил: «Что же, нам следует послать армию через Турцию, Иран, Сирию и Ирак на Израиль, чтобы воевать там с англичанами и французами?» — «Посмотрим, что мы сможем сделать», — пробормотал Хрущев, сворачивая карту¹¹⁷.

Лучшим выходом он счел атомный шантаж. «Что будет с Великобританией, — спрашивал Булганин в письме к Идену от 5 ноября, — если ее атакуют более сильные государства, обладающие всеми видами современного оружия массового поражения?» Эйзенхауэру, который дистанцировался от Англии и Франции и добивался прекращения огня, Булганин предложил действовать совместно. набросок угрожающих писем Булганина сделал сам Хрущев. Он же мечтал о совместных советско-американских действиях (позже он вспоминал, что Молотов противился этой идее) и настаивал, что добился позитивного результата: отказавшись, американцы продемонстрировали, что все их заявления о стремлении к миру, справедливости и следовании принципу ненападения — ложь. «Мы их разоблачили!» — восклицал Хрущев¹¹⁸.

Когда 6 ноября было заключено соглашение о прекращении огня, Хрущев объявил Мичуновичу, что это — «прямой результат» советских угроз, обнародованных двумя днями раньше. «Отец был необычайно горд своей победой», —

вспоминал Сергей Хрущев. Благодаря Суэцкому кризису Хрущев убедился во всесии призрака ядерной войны — как и в том, что этот призрак может с успехом заменять реальную военную мощь¹¹⁹.

В действительности прекратить огонь агрессоров заставило скорее американское, чем советское давление. Советские угрозы последовали тогда, когда ход событий был уже предопределен. Это было понятно египтянам — но не Хрущеву: «Мне рассказывали, что когда Ги Молле [французский премьер-министр] получил наше письмо, то в пижаме бросился к телефону и стал звонить Идену. Не знаю, правда это или нет; но независимо от того, были ли на нем брюки, нельзя отрицать, что через двадцать четыре часа после получения нашего письма агрессия прекратилась». Что же касается американцев, продолжает Хрущев, то они своим союзникам помогли, «как веревка повешенному». Даллес любил хвастать своим хладнокровием, говорил Хрущев несколько лет спустя египетскому журналисту Мохаммеду Хейкалу, однако, когда «мы отправили ультиматум в Лондон и Париж, у Даллеса нервы сдали». «Выигрывает тот, у кого нервы крепче, — заключил Хрущев. — Вот что важнее всего помнить в наше время. Люди со слабыми нервами всегда остаются в проигрыше»¹²⁰.